

14. *Bowman, R. A.* Aramaic Ritual Texts from Persepolis / R. A. Bowman. – Chicago: The University of Chicago, 1970. – XIII, 194 p.
15. *Boyce, M.* History of Zoroastrianism: in 2 vol. / M. Boyce. – Leiden : Brill, 1975. – Vol. I. – 350 p.
16. *Brandenstein, W.* Handbuch des Altpersischen / W. Brandenstein, M. Mayrhofer. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. – 160 p.
17. Gnoli, G. Avestan geography [Electronic resource] / G. Gnoli // Encyclopædia Iranica. – 2011. – Mode of access: <https://iranicaonline.org/articles/avestan-geography>. – Date of access: 19.02.2022.
18. *Gnoli, G.* Zoroaster's Time and Homeland / G. Gnoli. – Napoli: Istituto universitario orientale, 1980. – 279 p.
19. *Kent, R. G.* Old Persian: Grammer, Text, Lexicon / R. G. Kent. – 2 nd ed. – New Haven, 1953. – 203p.
20. *King, L.* The sculptures and inscription of Darius the Great on the rock of Behistūn in Persia / L. King, Tompson R. – L.: Oxford University Press, 1907. – LXXIX, 223 p.
21. *Skjærvø, P. O.* Old Avestan Glossary / P. O. Skjærvø. – Harvard, 2006. – 44 p.
22. *Vogelsang, W.* Gandhāra [Electronic resource] / W. Vogelsang // Encyclopædia Iranica 2000. – Mode of access: <https://iranicaonline.org/articles/gandhara>. – Date of access: 19.02.2022
23. *Witzel, M.* The home of the Aryans [Electronic resource] / M. Witzel. – 2014. – Режим доступа: <https://www.people.fas.harvard.edu/~witzel/AryanHome.pdf> – Дата доступа: 10.02.2022.

(Дата подачи: 28.02.2022 г.)

М. А. Лавринович

Белорусский государственный университет, Минск

M. Laurynovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(437)“1989/...”:930

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТИ О СОЦИАЛИЗМЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ ПОСЛЕ 1989 Г.

EVOLUTION OF APPROACHES TO THE STUDY OF THE MEMORY OF THE SOCIALIST PAST IN THE PERSPECTIVE OF CZECH HISTORIOGRAPHY AND CIVIC INITIATIVES AFTER 1989

В статье производится реконструкция развития концепта «историческая память» в исторической науке Чешской республики в аспекте его применимости к изучению социалистического наследия. В конце 1980-х – 2000-е гг. появление концепта памяти имело

французские и немецкие корни и вытеснило предложенный чешскими социологами аналог «историческое сознание». В это время под исторической памятью понимался широкий междисциплинарный взгляд на изучение наследия социалистического прошлого. С 2010-х гг. проявляется инструментализация исследований в сфере памяти как компонента государственной политики, что связано с деятельностью Института по исследованию тоталитарных режимов в Праге, и общественных инициатив чешских НГО.

Ключевые слова: историография; историческая память; государственная политика памяти; Чешская республика.

The article reconstructs the development of the concept of «historical memory» in the historical science of the Czech Republic in terms of its applicability to the study of the heritage of socialist period. In the late 1980s – 2000s the emergence of the concept of memory had French and German roots and forced the analogue «historical consciousness» proposed by Czech sociologists out. At that time historical memory was understood as a broad interdisciplinary view of the study of the legacy of the socialist past. Since 2010s the instrumentalization of research in the field of memory as a component of state policy noticeably manifests itself, that is associated with the activities of the Institute for the Study of Totalitarian Regimes in Prague and the public initiatives of Czech NGOs.

Keywords: historiography; historical memory; state policy of memory; Czech Republic.

Современная чешская гуманитаристика констатирует в последние десятилетия «настоящий бум» исследований в области исторической памяти [1, с. 9]. Это ставит вопрос о методологических основаниях, научных и общественно-политических предпосылках данной тенденции. Процессы постсоциалистической трансформации в странах Центральноевропейского региона сыграли роль ключевого импульса в развитии исследовательской перспективы изучения памяти и в инструментализации истории как компонента государственной политики. Вместе с тем можно интерес к проблематике памяти и знания в социогуманитарных науках и в более ранний период, начиная с 1970-х гг. В этой связи, по мнению историка А. Кудлача, упомянутый «бум» исследований памяти оказался в тренде предоставления голоса ранее маргинализированным или лишенным слова сообществам, которые теперь получили возможность артикулировать свой опыт, как правило травматический, в формах и практиках проводимой после 1989 г. в Центральной Европе политики по эмансипации угнетенных в период коммунизма социальных групп, и создания открытой и публичной диалоговой площадки в обществе для обсуждения актуальных вопросов исторического наследия [1, с. 9–11; 2, с. 32].

В то же время было бы ошибочно ограничивать историческую память только политико-инструментальными рамками. Концепт памяти включает в себя значительный массив значений и идей, которые можно апплицировать на основании широкой методологической шкалы, например, обращаясь к таким понятиям, как историческое сознание, традиция, идентичность, или

же к инструментарию не только истории, но и социологии, антропологии, этнологии и других дисциплин [3; 4]. Одной из предпосылок формирования интереса к памяти в чешской исторической науке являлись исследования М. Гроха по проблематике исторического сознания и его роли в формировании и развитии современных наций [5; 6].

В 2001 г. социолог и теоретик истории Милош Гавелка в рамках изучения «дискуссии о смысле чешской истории» предложил идею т. н. символических центров в чешской культурной политической и исторической памяти, возникающих еще в середине XIX в., но институционализированных в чешском историческом нарративе в рамках исторических интерпретаций последовавших периодов чешской истории [7]. Продолжая его мысль, мы можем признать формирование новых символических центров чешской истории, связанных с периодом социализма, и последующую работу по их интерпретации, начатую в 1989 г., в рамках процессов постсоциалистической трансформации.

Французский историк Ф. Артог обращает внимание на преломление, происходящее в результате эволюции частного исследовательского интереса в «политику памяти», когда историк занимает более активную позицию, входя в роль свидетеля, эксперта и судьи прошлого, участвуя в его политизации [8]. Идеи Ф. Артога стали одним из источников трансфера западноевропейского опыта изучения памяти в постсоциалистической Чехии благодаря деятельности Французского института социальных исследований в Праге, открывшегося в 1991 г. Это объясняет то, что первая обширная работа по истории коммунистического наследия «Чехи и их коммунизм» [9] была опубликована популяризовавшей идеи Пьера Нора в Чехии французской Франсуазой Маейр в 2009 г., являвшейся одним из главных экспертов в находящейся на методологическом переломе чешской гуманитаристики. Данная работа, изданная сначала во Франции, была своеобразной «разведкой боем», и обозначила целый ряд тем для изучения социализма, к которым впоследствии обратились чешские исследователи.

Однако вопрос о модели институционализации памяти о социалистическом наследии оказался гораздо более сложным для непосредственно чешского академического сообщества. Для специфики формирования чешского исторического нарратива с момента распада Чехословакии была характерна динамичная смена двух режимов памяти, которые Пьер Нора охарактеризовал как «национальная память» в виде сконструированной с участием государственной политики и идеологии истории и постмодерновая фаза «коммеморации», когда единая национальная память распадается и концентрируется в виде памяти отдельных социальных групп и сообществ [10].

На протяжении 1990-х – 2000-х гг. сохраняла значение первая, отмеченная П. Нора, тенденция: происходило переосмысление и перекодирование национального чешского нарратива (устранение элементов идеологизации

социалистического периода, формирование новой концепции преподавания чешской истории в школе в контексте европейской и мировой истории, размежевание чешской и словацкой истории, выработка компромиссных подходов к оценкам травматического прошлого с национальными историографиями соседних государств, так как Германия, Австрия, Польша, а также Россия. За данное время был сформирован обширный корпус историографического знания, который продолжил дополняться в 2010-е гг. Отметим, что многотомное издание «Большая история земель Короны Чешской», выпустив 15-й том, завершило цикл событиями 1945 года еще в 2007 г.¹ Продолжение этой серии было анонсировано в 2022 г.², что свидетельствует и об сложностях по выработке оценок в отношении социалистического прошлого ввиду продолжающегося накопления фактологического материала и одновременного появления иной дополняющей и вместе с тем конкурирующей модели исторических описаний, основанной на личной памяти свидетелей, что характерно для второго, предложенного П. Нора, этапа.

На рубеже первых двух десятилетий XXI в. в чешской историографии происходило определение тематических и методологических границ возможности исследований памяти. Этому времени сопутствовал целый ряд дискуссий, например известное обращение М. Гроха отказаться от набирающего популярность определения «историческая память» в пользу концепта «историческое сознание» [5]. Другая дискуссия, состоявшаяся на конференции чешских, словацких и французских историков, касалась вопроса об универсальности изучения памяти с помощью устной истории вне зависимости от процессов постсоциалистической трансформации. В изданной по результатам данной конференции монографии «Память мест, событий и личностей» [11] были представлены такие аспекты памяти, как институты памяти, события и ритуалы, идентичность, культовая память, память в виде памятников, память ландшафта, память о личностях в истории, вопрос исторических стереотипов в рамках национальной идентичности.

В изданной в 2014 г. коллективной монографии «Чешская память» [12] тематическая направленность исследований оказалась более сконцентрирована на значимых событиях и фигурах XX в. (Т. Г. Масарик, З. Неедлы, М. Горакова), а также на вопросах, связанных с формированием концепций национальных чешской и словацкой историй после 1989 г.

Свой взгляд на роль и механизмы исторической памяти в постсоциалистическом обществе постулировал чешский историк, представляющий Кар-

¹ Например, 7-й том издания, посвященный событиям 1526–1618 гг., вышел в 2015 г. См.: Velké dějiny zemí Koruny české VII. (1526–1618) [Electronic resource]. <https://www.paseka.cz/vorel-petr-velke-dejiny-zemi-koruny-ceske-vii-1526-1618/produkt-7698/>.

² См.: Velké dějiny zemí Koruny české XVII. (1948–1956) [Electronic resource]. <https://www.paseka.cz/pernes-jiri-velke-dejiny-zemi-koruny-ceske-xvii-1948-1956/produkt-8943/>.

лов университет и Институт исследования тоталитарных режимов в Праге (чеш. Ústav pro studium totalitních režimů), Камил Чинатл в монографии «Наше чешское прошлое» [13]. В самом названии подчеркивается многогранность перспектив изучения и репрезентации прошлого, для которого К. Чинатл подбирает метафору театра, где происходит перформатив исторического прошлого перед лицом настоящего. На примере таких феноменов, как Национальный театр Чехии в период социализма, сериалы социалистической эпохи, развитие жанров документальных фильмов и мемуарной литературы после 1989 г., он показывает непрерывность механизмов воспроизводства исторического знания, результатом которого он видит постоянное обновление общественных представлений о прошлом.

В работе С. Голубца «Образы других и историческая память в период посткоммунистической трансформации» [14] были изучены механизмы формирования представлений о социалистическом прошлом и странах Запада в публичном дискурсе лидеров постсоциалистической трансформации, прежде всего В. Гавла и В. Клауса. Для отдельных исследований было характерно обращение к тематике семейной памяти.

Как отмечал В. Копечек, несмотря на в целом позитивное отношение большинства чехов к переходу от социалистической модели к политическому плюрализму, процесс формирования нового посткоммунистического нарратива не был простым [15, с. 9].

Говоря о последнем десятилетии, мы можем констатировать активный рост исследований, проектов и мероприятий, посвященных памяти о социализме. Они реализуются в рамках программ на базе государственного учреждения Института по исследованию тоталитарных режимов, созданного в 2007 г., некоммерческих общественных организаций и инициатив, «Пост-беллум» (чеш. Post Bellum; образована 2001 г.) и «Память нации» (чеш. Paměť národa), отдельных академических центров, например Центр изучения устной истории Института современной истории Академии наук Чешской Республики (чеш. Centrum orální historie Ústavu pro soudobé dějiny Akademie věd ČR)³, и открытой в 2008 г. соответствующей магистерской программы на факультете гуманитарных наук Карлова университета под руководством Мирослава Ванька⁴. Опыт применения оральной истории для решения научных задач исторической памяти был представлен П. Мюке и М. Ваньком в коллективной монографии «Третья сторона треугольника: теория и практика оральной истории» [16]. Попыткой институционализации исследований памяти стало создание в 2012 г. Центра исследования

³ См.: Centrum orální historie, ÚSD AV ČR [Electronic resource]. <http://www.coh.usd.cas.cz/>.

⁴ См.: O našem studijním programu [Electronic resource]. <https://ohsd.fhs.cuni.cz/OHSD-85.html>.

коллективной памяти (чеш. Centrum pro výzkum kolektivní paměti), сформированного как междисциплинарный филиал гуманитарных кафедр трех факультетов Карлова университета в Праге.

Из них наибольшие противоречия со стороны академического сообщества вызвали дискуссии в отношении целесообразности и характера создания координирующего центра исследований социализма.

Томас Снигон в статье «Осуществление посткоммунистической национальной памяти в Чешской республике и Словакии» отмечает, что, хотя изначальные причины обоснования необходимости учреждения Института исследования тоталитарных режимов в Праге были обусловлены в первую очередь научными и моральными посылками, данное учреждение оказалось главным образом идеологическим инструментом для новых правящих посткоммунистических элит для централизации контроля над коллективной «национальной памятью» [17, р. 98]. Данное противоречие было заложено ввиду определения сферы деятельности данного института в соотношении с уже существовавшими аналогичными проектами в ФРГ и Польше. Так, в объединенной Германии задачей Государственного архива Штази (нем. Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik) ставилось обеспечение персональной верификации личных данных граждан, имевших отношение к коммунистическим спецслужбам ГДР, не ставя цели публичной политики по декоммунизации восточногерманского общества. В свою очередь, созданный в 1998 г. в Варшаве польский Институт национальной памяти (пол. Instytut pamięci narodowej) располагал широкой сетью филиалов и предполагал активную общественно-политическую позицию по вопросу формирования национального польского исторического нарратива в духе памяти о «традициях польского патриотизма». Чешский аналог, возникший по инициативе, заявленной в ноябре 2005 г. группой сенаторов Чешского парламента, вначале мыслился по подобию немецкого варианта. Его целью были названы централизация и организация лучшего публичного доступа к собранным коллекциям документов чехословацких спецслужб без отсылки к концепту национальной памяти. На прениях в Сенате в июне 2006 г. депутат Ян Лишка, подчеркнув необходимость формирования «объединенной национальной памяти», отметил, что создаваемый институт «не сможет диктовать, как следует понимать историю» [17, р. 104].

По мнению Т. Снигона, политический фактор на этапе создания Института исследования тоталитарных режимов означал отказ от широкой мультидисциплинарной платформы возможных подходов изучения прошлого (как и теоретического рассмотрения феномена тоталитаризма), а служил формированию идеи конфронтации с прошлым и «коллективной вины», которые используются поколением новых постсоциалистических политиков для продвижения своей политической повестки [17, р. 119].

Образование Института исследования тоталитарных режимов в Праге вызвало острую дискуссию в профессиональной среде историков, в ходе которой отмечалось, что заявленная цель образования и популяризации результатов исследования «несвободных периодов» современной чешской истории будет служить инструментализации и популяризации исторического знания [18, s. 259].

Масштаб современной политизации исторического знания о социалистическом прошлом в Чехии фиксирует в своей статье В. В. Трухачев: «И хотя с тех пор выросло целое поколение, не помнящее социализма, минувшая эпоха так и не стала в полном смысле историей. Она остается поводом для текущих политических заявлений и действий» [19].

Наиболее острыми темами публичного обсуждения являются все же не весь период и повседневная действительность социалистической Чехословакии, чем занимались упомянутые академические структуры и гражданские инициативы, а конкретные события, связанные с освобождением Праги в мае 1945 г. Красной армией, событиями ввода войск ОВД в августе 1968 г. в Чехословакию и демонтажа коммунистического режима в результате «бархатных» событий ноября 1989 г. Будучи включенными в ежегодный календарный цикл государственных праздников и памятных дат Чешской республики [20], эти события регулярно получают оценки в устах ведущих чешских политиков и властителей мнений, выступая во многом своеобразным индикатором отношения публичных лиц как к социалистическому наследию, так и к нынешней политике Российской Федерации [19].

Подводя итог, отметим, что более 30-летний опыт постсоциалистической трансформации поставил перед чешским обществом и исторической наукой задачу выработки нового способа интерпретации социалистического наследия. Тематика, связанная с периодом власти коммунистов в Чехословакии (1948–1989 гг.), оказалась широко представлена как в научной продукции, так и в массовой культуре и современном общественно-политическом дискурсе. В этой связи чешская гуманитаристика возлагала большие надежды на теоретический потенциал концепта «историческая память», который активно разрабатывался чешскими интеллектуалами, видящими в нем перспективный междисциплинарный инструментарий. В то же время помимо академических центров, занимающихся преимущественно исследованиями в сфере устной истории, институционализация исследований памяти на базе Института исследований тоталитарных режимов в Праге и общественной организации «Пост-беллум» привели к заметной инструментализации исторического знания о социализме, сведшемуся к негативной оценочной интерпретации данного периода в современной чешской публичной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Kudláč, A.* Paměť v současné české historiografii / A. Kudláč // *Cestami Mnemosyné. Paměť a identita v moderních českých dějinách* / ed.: A. Kudláč. – Pardubice, Univerzita Pardubice, 2021. – S. 9–36.
2. *Randák, J.* Soudobá historie, osobní vzpomínání a politika dějin / J. Randák // *Theatrum historiae*. – 2014. – Vol. 14(1). – S. 31–48.
3. *Tuček, J.* Paměť / J. Tuček // *Koncepty a dějiny: proměny pojmů v současné historické vědě* / L. Storchová [a kol.]. – Praha: Scriptorium, 2014. – S. 244–257.
4. *Michela, M.* Paměťová studia / M. Michela // *Základní problémy studia moderních a soudobých dějin* / J. Čechurová, J. Randák [a kol.]. – Praha: Naklad-vi Lidové noviny, 2014. – S. 610–628.
5. *Hroch, M.* Historické vědomí a potíže s jeho výzkumem dříve i nyní / M. Hroch // *Historické vědomí jako předmět badatelského zájmu: teorie a výzkum* / ed.: J. Šubrt. – Kolín: Nezávislé centrum pro studium politiky, 2010. – S. 31–46.
6. *Šubrt, J.* Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání / J. Šubrt, Š. Pfeiferová // *Historická sociologie*. – 2010. – Vol. 2. – № 1. – S. 9–29.
7. *Havelka, M.* Dějiny a smysl: obsahy, akcenty a posuny «české otázky» 1895–1989 / M. Havelka. – Praha: Naklad-vi Lidové noviny, 2001. – S. 6–43.
8. *Hartog, F.* Věřit v dějiny / F. Hartog ; přelož. P. Horák. – Brno : Centrum pro studium demokracie a kultury, 2016. – S. 69–74.
9. *Mayer, F.* Češi a jejich komunismus: paměť a politická identita / F. Mayer; přelož. H. Beguinová. – Praha: Argo, 2009. – 273 s.
10. *Nora, P.* Mezi pamětí a historií / P. Nora ; přelož. K. Thein // *Politika paměti: antologie francouzských společenských věd / sest.: A. Bensa*. – Praha: Francouzský ústav pro výzkum ve společenských vědách, 1998. – S. 7–31.
11. *Hlavačka, M.* Paměť míst, událostí a osobností: historie jako identita a manipulace / M. Hlavačka, A. Marès, M. Pokorná [et al.]. – Praha: Historický ústav, 2011. – 685 s.
12. *Česká paměť: národ, dějiny a místa paměti* / eds.: R. Šustrová, L. Hédlová. – Praha: Academia, 2014. – 457 s.
13. *Činátl, K.* Naše české minulosti, aneb, Jak vzpomínáme / K. Činátl; Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. – Praha: Naklad-vi Lidové noviny, 2014. – 363 s.
14. *Holubec, S.* Ještě nejsme za vodou: obrazy druhých a historická paměť v období postkomunistické transformace / S. Holubec. – Praha: Scriptorium, 2015. – 310 s.
15. *Kopeček, M.* Hledání «paměti národa». Politika dějin, nostalgie a české dějepiscevtví komunismu / M. Kopeček // *Dějiny – teorie – kritika*. – 2007. – № 1. – S. 7–26.
16. *Vaněk, M.* Třetí strana trojúhelníku: teorie a praxe orální historie / M. Vaněk, P. Mücke; Univerzita Karlova v Praze, Fakulta humanitních studií. – Praha: Karolinum, 2015. – 326 s.
17. *Sniegon, T.* Implementing Post-Communist National Memory in the Czech Republic and Slovakia / T. Sniegon // *European cultural memory post-89*. – 2013. – № 30. – P. 97–124.
18. *Kopeček, M.* Historická paměť a liberální nacionalismus v Česku a střední Evropě po roce 1989 / M. Kopeček // *Kapitoly z dějin české demokracie po roce 1989* / eds.: A. Gjuríčová, M. Kopeček. – Praha: Litomyšl: Paseka, 2008. – S. 232–264.

19. Трухачев, В. В. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики [Электронный ресурс] / В. В. Трухачев // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oukumena/europe/chehija_neodnozna-chnoje_proshloje_kak_chast_tekushhej_politiki_2020-02-04.htm. – Дата доступа: 01.02.2022.

20. Репин, В. В. Годовщины знаменательных событий чешской истории XX века как структурный феномен публичных практик в Чешской Республике / В. В. Репин // Историко-культурные аспекты чешско-белорусских связей: монография / Зап.-чеш. ун-т (Пльзень), Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. П. Лозовюка, В. В. Репина. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – С. 50–69.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

A. B. Lepesh

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

A. Lepesh

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 947.607.3 (043)

ПЕРАСЯЛЕНЧАЯ ПАЛІТЫКА РАСІЙСКАГА ЁРАДА Ў ДАЧЫНЕННІ ДА АДНАДВОРЦАЎ ЗАХОДНІХ ГУБЕРНЯЎ У 30–40-Х ГГ. XIX СТ.

THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN RELATION TO THE ONEYARDS (ODNODVORETS) OF THE WESTERN PROVINCES IN THE 30–40S OF THE XIX CENTURY

У артыкуле разглядаецца перасяленчая палітыка расійскага ўрада ў дачыненні да аднадворцаў – новай адміністрацыйна-прававой катэгорыі насельніцтва, якая з’явілася пасля ўказа 19 кастрычніка 1831 г. ў рамках палітыкі «разбора» шляхты. Аналізуецца геаграфія перасяленчых мерапрыемстваў, сутнасць праектаў па перасяленні, а таксама вынікі дадзенай палітыкі.

Ключавыя словы: расійскі ўрад; шляхта; аднадворцы; грамадзяне; перасяленчая палітыка; «разбор» шляхты; заходнія губерні.

The article examines the resettlement policy of the Russian government in relation to oneyards (odnodvoret), a new administrative and legal category of the population that appeared after the decree of October 19, 1831 as part of the policy of «sorting out» the gentry. The geography of resettlement activities, the essence of resettlement projects, as well as the results of this policy are analyzed.

Keywords: Russian government; gentry; odnodvoret; citizens; resettlement policy; «sorting out» of the gentry; western provinces.